

А. В. Горайко

О значении проповеди Церкви в жизни ранневизантийского полиса на примере деятельности Иоанна Златоуста

конец IV в. Церковь ранней Византии уже занимала важное место в общественной жизни ранневизантийского полиса. Церковь активно проявляла себя в общественных процессах внутренней жизни города. Одним из таких аспектов ее деятельности являлась проповедь. В период деятельности Иоанна Златоуста (341/7–407 гг.) [1, р. 285; 2, р. 364] как проповедника Антиохийской и Константинопольской Церкви значение церковной проповеди во внутренней городской жизни стало особенно заметно.

При всей обширности научных работ, посвященных деятельности виднейшего иерарха ромейской Церкви — Иоанна Златоуста, необходимо отметить, что такой аспект вопроса, как значение его гомилий в жизни ранневизантийского полиса, мало привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей. Как правило, в работах ученых имеют место лишь общие упоминания о проповеднической деятельности Златоуста, где в ходе рассуждений раскрываются те или иные отдельные аспекты влияния гомилий Хрисостома на общественную жизнь ранневизантийского социума [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Для того чтобы полнее представить степень значения проповеди Церкви как общественного явления в жизни ранневизантийского мегаполиса и было предпринято это исследование¹. Используя богатый опыт активной церковно-проповеднической и административной деятельности Иоанна Златоуста, попытаемся систематизировать известные нам данные, чтобы определить место, роль и значение проповеди в конце IV—V вв. в жизни таких мегаполисов, как Антиохия и Константинополь.

Началом общественной деятельности Иоанна Златоуста в качестве проповедника можно считать 386 г., когда он был рукоположен в пресвитеры Антиохийской Церкви [2, р. 371; 18, с. 916]. С этого времени начинается новый этап в жизни Хрисостома. В 397 г. правитель Востока Астерий тайно от жителей Антиохии привозит Иоанна в столицу Византийской империи (Zos. VIII, 2, 14) [8, с. 564], где его рукополагают в сан епископа (15 декабря 397/26 февраля 398 (Socr. VI, 2) [20, с. 169; 21, т. 67, col. 518; 22, с. 241] — 404 гг. [1, р. 286]) и назначают кафедру служения — Константинополь. На этот период жизни Златоуста приходится правление двух императоров — Феодосия I Великого (379–395 гг.) и Аркадия (395–408 гг.) [23, р. 1361; 24, с. 181]. Причем, при императоре Феодосии I официально устанавливается господство ортодоксального Никейского учения [25, с. 162–170].

Полис-муниципий до конца античности продолжал оставаться живой основой социальной и административной, политической и культурной жизни общества. Среди

¹ К сожалению, для нас остаются недоступными некоторые результаты исследований западноевропейских ученых. См. к примеру: [3].

крупных торгово-ремесленных центров Византии особенно выделялись Константинополь — по своей роли для балканских и малоазийских провинций империи и Антиохия — громадный полис, через который велась вся караванная торговля с Востоком, и который являлся центром гражданского управления, военного командования восточных провинций и одной из имперских столиц [26, с. 52]. Знаменитый ритор Ливаний (314–393 гг.) — современник Иоанна Златоуста, давал характеристику Антиохии как крупного экономического и культурного центра Восточной половины Римской империи [27, S. 249; 28, р. 311]. Также отзывался об этом мегаполисе и другой современник Хрисостома — Аммиан Марцелин (332–395 гг.) [27, S. 240; 30, с. 44–45; 31, с. 52].

В городах Римской империи жило до $\frac{1}{4}$ всего населения. С теми или иными колебаниями эти данные соответствуют общими подсчетам численности населения Византии в ранний период — до 20–25 миллионов человек [33, с. 144]. В бурно росшем Константинополе, по самым скромным подсчетам, в конце IV в. было до 100, а в конце V в. — до 150 тысяч жителей [34, с. 101]. В старых городах Востока — Антиохии и Александрии — население было еще более многочисленным. Так, в Антиохии IV–V вв. насчитывают до 200 тысяч [28, р. 310], а в Александрии — до 300 тысяч жителей [34, с. 101].

Социальная структура Константинополя в ранневизантийское время отражала как типичные отношения позднеантичного общества, так и особое положение города. На высшей ступени социальной лестницы находились аристократы — сенаторы. С конца IV в. и сенаторская прослойка, и военно-чиновная знать представляли собой сближавшуюся и постепенно сливавшуюся в один социальный слой господствующую верхушку империи — крупных собственников [32, с. 155]. В Константинополе проживали также и представители торгово-ростовщической верхушки, военно-чиновная бюрократия, огромный двор, а также многочисленный, подкармливаемый государством и знатью, плебс [34, с. 110].

В конце IV в. церковная проповедь не имела еще до конца устоявшихся традиций. Так, в Римской Церкви проповедничество еще не было развито [35, с. 172]. В Карфагене существовала практика, когда пресвитер не должен был проповедовать в присутствии епископа. Исключение было сделано тогда только для Августина (354–430 гг.) [38, с. 93; 35, с. 172]. К примеру, Кесарию Арелатскому (470–543 гг.) приходилось даже запирать храм, лишь бы удержать слушателей за проповедью [39, с. 231]. На Востоке империи дела обстояли иначе, но и здесь, в Александрийской Церкви, с начала IV в. утвердилась традиция, когда пресвитер не должен был проповедовать в храме [35, с. 172]. Поэтому, когда престарелый Антиохийский епископ Флавиан поручил Златоусту обращаться с проповедью к жителям своего полиса [36, t. 56, col. 247; 37, т. 6, кн. 2, с. 545; 40, р. 8; 41, с. 618], это уже само по себе свидетельствовало о незаурядных способностях кандидата и выделялось на общем фоне распространенной практики конца IV в. [42, с. 22].

В это время происходит оживление гражданской риторики. Причины такого подъема иногда видят в обострении борьбы христианства и язычества [45, с. 332]. К христианским проповедникам предъявлялись такие же требования, как и для софистов при их риторических состязаниях, так как среди слушателей было достаточно и язычников [43, с. 417–418]. Поэтому красноречие на церковной кафедре было явлением не только естественным, но даже необходимым для проповедника [44, с. 381].

Традиции античного ораторского искусства не умерли в ранней Византии до середины VI—начала VII в. Еще в VI в. во многих полисах существовали риторские школы, муниципальные риторы-учителя и городские ораторы [45, с. 331]. Высшие константинопольские сановники, следуя моде, оказывали в это время особое покровительство поэтам, философам и риторам, брали их к себе в советники, способствовали организации и процветанию интеллектуальных кружков [46, с. 33]. Так, магистр эквитум Флавий (364–367 гг.), будучи христианином, покровительствовал литературе

и философии, помогал людям, олицетворявшим собой свободные науки и искусства. Он оказал также существенную поддержку языческому ритору Ливанию, защитив его (около 365–370 гг.) от нападок комита Фиделия, который хотел возбудить против него дело по государственной измене [46, с. 33]. Вспомним еще один случай, связанный с удачной проповеднической (ораторской) деятельностью в Константинополе и епископа Севериана Гавальского, который в период вынужденного отсутствия Златоуста на кафедре своим проповедническим искусством быстро добился большого успеха и признания в столице (Soz. VI. 11) [22, с. 253; 47, р. 96]. Именно за красоту слога в своих сочинениях и словах, где приводились цитаты и известных поэтов, столичный новацианский епископ Сисиний завоевал уважение и привязанность со стороны жителей Константинополя (Soz. VI. 22) [22, с. 265].

Префект города, а потом и консул на 400 г. — Аврелиан оказывал всяческое содействие и помощь аристократу и философу Синезию из Кирены [46, с. 33], а вокруг префекта претория Востока, фактически правившего империей в последние годы царствования Аркадия и в малолетство Феодосия II (408–450 гг.), сгруппировались философы и поэты, среди которых был и выдающийся поэт своего времени — Теотим, а также советник и друг — софист Троил [48, р. 1361; 46, с. 33].

Ораторское искусство в IV в. даже отодвигает на второй план юриспруденцию. Видной персоной при дворе стал благодаря своей блестящей образованности Феодор, который, возможно, являлся около 379–395 гг. проконсулом Ахайи, а в 385 или 387 г. был префектом Константинополя. То, что риторическое образование открывает путь к богатству и успеху, было известно и рыборотговцу Гелиодору, который, овладев искусством оратора, сначала стал преуспевающим адвокатом в родном Коринфе, приобрел поместья в Македонии, Этолии и Акарнании, и, наконец, получил пост наместника провинции. Даже в судебную инстанцию префектуры претория Востока стали брать скорее блестящих ораторов, нежели знатоков закона [46, с. 32].

Сам же Иоанн Златоуст нигде не упоминает и не возвеличивает античных риториков. Его цель — содержание и максимальное доведение его до слушателя [79, S. 325], поэтому ему чужд подчеркнутый артистизм ритора Ливания и публичное самолюбование [26, с. 52]. Незаурядные качества проповедника, которыми в полной мере обладал Златоуст, сыграли определяющую роль в его деятельности. Так, собиравшие обычно толпы горожан — театр и ипподром, который вмещал в столице более 40 тысяч зрителей [34, с. 108], могли не досчитаться многих своих посетителей, если в тот же момент с амвона храма к жителям полиса обращался с проповедью Иоанн Христом [36, t. 60, col. 191; 37, т. 9, кн. 1, с. 234].

Христианские города в конце IV в. еще не имели четкого деления на приходы. Златоусту приходилось наставлять и управлять целым мегаполисом. Для того чтобы услышать проповедника, горожане собирались попеременно в различных храмах полиса — там где проповедовал Христом.

О храмах Антиохии нам известно немного [49, с. 274]. Важнейшей была так называемая «Великая церковь» — творение императора Константина Великого (306–337 гг.) [16, с. 8; 80, S.191]. Этот храм имел очень удобное устройство: аудитория его была просторна и хорошо защищена летом от жары и зимой от холода. Этим преимуществом Иоанн Златоуст противопоставлял неудобство цирка, где все происходило под открытым небом. Другой храм Антиохии — «Палея» или «Древняя церковь» уже не имел такого великолепия в убранстве и был хуже приспособлен для больших собраний [50, с. 8]. Проповедь Иоанна могла состояться в особые праздники и в одной из многочисленных часовен пригородов Антиохии [50, с. 9].

В Константинополе Иоанн Златоуст мог обращаться с проповедью к жителям столицы в различных его храмах, а также и в храмах округи полиса (Soz. VIII, 5) [52, с. 559]. Чаще всего он приносил проповедь в «Великой церкви» (Св. Софии), расположенной в самом центре Константинополя, на главной площади, недалеко от

императорского дворца (Soz. IV, 26) [52, с. 294]. Нам известно, что богослужения с участием Златоуста проходили и в известном храме «Анастасии» (Воскресения), который был в Константинополе в некотором роде тем же, чем церковь «Палая» в Антиохии (Soz. VII, 5) [52, с. 481]. В этом храме всегда присутствовало живое воспоминание о Григории Назианзине (архиепископ Константинополя 379–381 гг. [53, р. 599]), который проповедовал здесь небольшому числу верных, когда все храмы столицы были заняты арианами [54, с. 329]. Проповедь могла быть произнесена и в храме Святой Ирины [50, с. 31] или в какой-нибудь часовне как, например, в «Мартирии при старом камне» [36, т. 63, col. 470; 37, т. 12, кн.1, с. 293].

Как правило, Иоанн проповедовал каждое воскресенье и каждый церковный праздник [55, р. 212; 15, с. 43]. Иногда это происходило один раз [36, т. 60, col. 312; 37, т. 9, кн. 1, с. 388; 42, с. 22] или дважды [36, т. 59, col. 119; 37, т. 8, кн. 1, с. 123], или три раза в неделю [36, т. 60, col. 312; 37, т. 9, кн. 1, с. 388], а иногда и каждый день [36, т. 49, col. 85; 37, т. 2, кн. 1, с. 89; 56, с. 626]. Ежегодно, с наступлением Великого сорокадневного поста, для Златоуста наступало время самой широкой деятельности. Иоанн Христом проповедовал в этот период почти каждый день [36, т. 53, col. 375; 37, т. 4, кн. 1, с. 442]. Правда, в жизни Златоуста-проповедника имели место и такие случаи, когда ему приходилось обращаться с гомилиями не более одного или двух раз в месяц: «Семь дней я молчал — говорит Златоуст, — как друзья Иова: дайте мне теперь открыть уста» [36, т. 49, col. 34; 37, т. 2, кн. 1, с. 27].

Для Златоуста-пастыря проповедь была не просто возложенной на него обязанностью, а и самой дорогой и близкой сердцу деятельностью. Она была природным призванием этого человека.

Христианский мир не знает проповедника, равного ему по силе воздействия на слушателей и по обилию средств, употребляемых для их назидания и убеждения. Его сочинения почти все написаны в виде гомилий, то есть живых бесед, — своего рода расширенное Евангелие, приспособленное к запросам и нуждам его времени [57, р. 666]. В этом их главное достоинство. Проповеди Златоуста — это широкая программа всей жизнедеятельности христианина по заветам Евангелия. В глазах Златоуста слушатели не были безликой массой, к которой можно было обращаться с рассуждениями общего, отвлеченного характера. Он всегда видел перед собой живых людей с ясно выраженными запросами духа [36, т. 49, col. 166; 37, т. 2, кн. 1, с. 184; 7, с. 150].

В его беседах присутствует стройность и высота мысли, ясность понятий, живость воображения, превосходство, возвышенность и теплота чувства. Слушающие его готовы были стоять в храме часами, внимая каждому слову [79, S. 324]. Легкость его речей была изумительна. Они обладали живостью и страстью, гармонией и звучной плавностью. В них была образность и неисчерпаемая изобретательность самобытных метафор. Сравнения всегда оказывались верны и резки [36, т. 48, col. 650–654; 37, т. 2, кн. 2, с. 434–439]. Златоуст избегал общих мест и риторических декламаций [57, р. 666]. Повторения, которые он любил часто употреблять в своих беседах, не были простым оборотом речи [36, т. 49, col. 118; 37, т. 2, кн. 1, с. 129].

Такие мастерские проповеди архиерея всегда производили на слушателей сильное впечатление, вызывая у них то рыдания [36, т. 56, col. 268; 37, т. 6, кн. 2, с. 564], то (несмотря на запрещение проповедника) взрывы рукоплесканий [36, т. 60, col. 226; 37, т. 9, кн. 1, с. 278]. В словах Иоанна Христора самые обыденные явления жизни также могли служить той цели, которую он всегда в таких случаях преследовал — нравственное назидание пасомых [36, т. 63, col. 511–512; 37, т. 12, кн. 1, с. 342]. Сам Златоуст говорил в храме не с книгой или записями в руках, его слово было минутным вдохновением, поддерживаемым и развиваемым глубоким знанием Священного Писания, крепкой верой, высокой нравственностью, безграничной любовью к народу, удивительным знанием глубины человеческого сердца (Soz. VI, 4) [22, с. 243; 36, т. 60,

col. 312; 37, т. 9, кн. 1, с. 389]. Вот почему слушатели Иоанна Златоуста так внимательно следили за каждым словом его поучения [36, т. 63, col. 511–512; 37, т. 12, кн. 1, с. 342]. Причем проповеди были, как правило, довольно продолжительными и могли длиться без перерывов до двух часов [10, р. 432; 58, с. 255].

Невероятная чистота речи Иоанна отражает его благородные и искренние мысли и напоминает о классической эпохе, но холодная и сдержанная языческая риторика не могла дать того контакта с аудиторией, который требовался христианскому проповеднику [10, р. 424]. Речь Златоуста наполняется восклицаниями, вопросами, прямыми обращениями к аудитории. Его беседы сотканы из риторических вопросов и ответов на невысказанные, угадываемые им вопросы слушателей. Златоуст как бы ведет внимание аудитории, то отвечая на ее недоумение, то реагируя на одобрение, то наполняя все любовью. В проповедях Златоуста в конце IV в. как бы воскресало с новой силой раннее христианство, не имевшее еще опыта соприкосновения с государством [47, р. 104].

В то же время Златоуст совершенствует ту простоту и ясность языка, ритмику, четкость конструкции слова, которые были унаследованы им от своего учителя — ритора Ливания. Вместе с тем стиль Иоанна Златоуста по сравнению даже со стилем Ливания поражает своей прозрачностью и легкостью, натуральностью изложения, четко расставленными смысловыми акцентами, большой точностью и емкостью примеров, тонкостью моралистических наблюдений, обилием доступных примеров из современной жизни [36, т. 49, col. 102; 37, т. 2, кн. 1, с. 110].

В своих поучениях он все более и более приближается к народному языку своего времени [43, с. 415]. Этот язык принадлежит только одному Златоусту, а его филологические приемы едва ли можно встретить у кого-нибудь из других отцов и учителей Церкви. Разработка этого народного языка была тогда необходима, так как среди слушающих были и христиане, и язычники (в большинстве своем простые жители полиса) [43, с. 417]. Среди присутствующих были жители и сельской округи, «деревенской глубинки» [36, т. 54, col. 634; 37, т. 4, кн. 2, с. 779]. Разумеется, у проповедника не было возможности во время проповеди отдельно обращать свои слова к разным социальным группам слушающих [36, т. 60, col. 407; 37, т. 9, кн. 2, с. 504], поэтому его слова были обращены к людям разного уровня социального положения и образования [36, т. 48, col. 675; 37, т. 1, кн. 2, с. 465]. Далеко не все из присутствующих могли по настоящему глубоко вникнуть в содержание произносимых Златоустом слов [36, т. 49, col. 109; 37, т. 2, кн. 1, с. 118; 36, т. 57, col. 32; 37, т. 7, кн. 1, с. 24], более того, если исходить из свидетельств источника, некоторые даже не понимали и происходящего в храме [36, т. 59, col. 118; 37, т. 8, кн. 1, с. 211].

Тем не менее в Константинополе, где совершал литургию Златоуст, храмы были почти всегда переполнены слушателями, особенно в дни больших праздников [36, т. 52, col. 394; 37, т. 3, кн. 2, с. 406; 36, т. 48, col. 725; 37, т. 1, кн. 2, с. 521]. Известно, что во время проповедей Златоуста местные ремесленники и торговцы, работавшие в эрагстириях, бросали свои занятия и спешили слушать Иоанна [59, с. 115]. Для Хрисостома и этого было недостаточно: «хотя и много присутствующих у нас, я еще не сыт, потому что желал бы, чтобы не только многие, но все присутствовали, чтобы никто не отставал от Церкви» [36, т. 63, col. 517; 37, т. 12, кн. 1, с. 350]. С другой стороны, не редким было и такое явление, когда храм, где проповедовал Златоуст, был почти пустым [36, т. 51, col. 177; 37, т. 3, кн. 1, с. 170].

При этом качественная сторона вопроса требовала желать лучшего [36, т. 63, col. 493; 37, т. 12, кн. 1, с. 320]. «Сколько (бывает) всеобщих бдений, — восклицал Иоанн, — сколько священных песнопений! А что из этого? Еще хуже: многие даже делают это из тщеславия» [36, т. 60, col. 218; 37, т. 9, кн. 1, с. 268]. Церковь сделалась местом собрания, подобно всем тем местам, какие в огромном множестве предлагали древние города празднующемуся народу, привыкшему жить вне дома и мало

чувствительному к тихим радостям домашнего очага. В храм шли так же, как шли на площадь или останавливались в лавках лекарей, где происходили беспрестанные сборища [36, т. 48, col. 1045; 37, т. 1, кн. 2, с. 868]. Входившие в храм прямо направлялись к своим родственникам и друзьям, с целью разузнать от них новости. Не забывали здесь и своих дел, назначали свидания тем, с кем собирались заключить торговую сделку, и обсуждали условия [36, т. 61, col. 314; 37, т. 10, кн. 1, с. 374]. Мужчины искали здесь походов, принимали к этому меры и посреди храма пускали в ход все уловки [50, с. 228]. И вот в такой обстановке Иоанну удавалось заставить слушающих быть внимательными к своим словам, вынуждая даже аудиторию иногда плакать [36, т. 51, col. 251–252; 37, т. 3, кн. 1, с. 254]. Рукоплескания, сопровождавшие его проповеди, также свидетельствовали о силе влияния его слов на сердца слушателей [10, р. 432].

В последней четверти IV ст. Иоанн Златоуст, по-видимому, принимает как должное, что большинство населения — христиане. Златоуст полагал, что число христиан в Антиохии в этот период составляло 100 000 человек [36, т. 58, col. 764; 37, т. 7, кн. 2, с. 851], что можно посчитать за достоверный факт [7, с. 56] и это при общем количестве населения города в 200 000 человек [60, р. 158], то есть ровно половина всех горожан или 1/3, если учитывать мнение Г. Л. Курбатова о 300 000 численности населения Антиохии [26, с. 91]. Примерно таким же было число христиан, по словам того же Златоуста и в Константинополе — до 100 000 человек [36, т. 60, col. 97; 37, т. 9, кн. 1, с. 113]. Естественно, что и радиус влияния проповедника тоже распространялся на тысячи [36, т. 60, col. 189; 37, т. 9, кн. 1, с. 232].

Пример движения иоаннитов — прямое следствие гонений на архиепископа Константинопольского Иоанна, ясно показывает те самые «тысячи», к которым обращался Иоанн через проповедь и имел известное влияние [76, с. 73] (Soz. VIII, 22) [52, с. 592]. Тогда жители столицы вышли на поддержку своего любимого проповедника, пастыря и отца [36, т. 50, col. 517; 37, т. 2, кн. 2, с. 560] (Soz. VI, 16) [22, с. 259]. Среди них мы видим кроме членов клира, также и рабов, и представителей среднего класса и высшего [76, с. 75; 61, р. 67].

Эти события наталкивают нас на вывод о том, какая гражданская власть и общественная сила верующих могла оказаться в руках епископа конца IV в. [76, с. 73]. Правда, Иоанн Златоуст был решительным противником применения силовых средств воздействия для разрешения любой конфликтной ситуации [36, т. 60, col. 75; 37, т. 9, кн. 1, с. 85].

Личное влияние Златоуста-проповедника было усилено еще и тем обстоятельством, что он вел аскетический образ жизни. Отстранение Хрисостома от правил общественной жизни только увеличивало его влияние в обществе, ибо каждый мог обратиться к нему как к человеку свободному от мирских уз и даже от общечеловеческих страстей. Такие люди часто пользовались особым доверием и у сильных мира сего, так как никто не мог подумать, что человек, у которого была небольшая собственность, либо не было ее вообще, мог искать каких-то личных выгод [61, р. 50]. Его полная независимость от мирских благ, щедрая благотворительность бедным и угнетенным, необыкновенные прямота и мужество, с какими он исполнял свой пастырский долг, были очевидны для общественности полиса [36, т. 60, col. 97; 37, т. 9, кн. 1, с. 113], и, видимо, именно в этом кроется секрет феномена влияния талантливого проповедника.

В конце IV в. нравственная жизнь Антиохии, да и всей Римской империи была не на высоте, что только усиливало значение деятельности Златоуста (Zos. I. IV. 28). Так, по свидетельству историка Зосима (ок. 450–500 гг.), нравственность современного ему общества шла на убыль: все было распущено и каждый старался превзойти другого роскошью и необузданностью, а украшение в добродетели не находило себе никакой похвалы (Zos. I. IV, 28, 33) [62, с. 90]. Современное Златоусту положение

в области общественной морали и нравственности мало чем отличалось от той ситуации, которая сложилась во времена Ювенала в римском обществе (55/60—после 127 гг.) [63, с. 131–136; 36, т. 54, col. 434; 37, т. 4, кн. 2, с. 526–527; 64, с. 18]. «Ныне все извращено и испорчено, — говорит Златоуст, — Церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овец — и не могу усмотреть» [36, т. 58, col. 781; 37, т. 7, кн. 2, с. 873].

В историю христианства Иоанн Христом вошел как один из основных учителей нравственности [67, с. 87–88]. Все силы Златоуста были направлены к тому, чтобы возвысить нравственность современного ему общества, внести в плоть и кровь жителей мегаполиса христианские начала, в которых он видел и альфу, и омегу народного и, разумеется, государственного благополучия [36, т. 49, col. 78; 37, т. 2, кн. 1, с. 81; 36, т. 61, col. 529; 37, т. 10, кн. 2, с. 634]. Церковь, по мысли Златоуста, должна быть общехристианским училищем, центром христианского воспитания, откуда христианские идеи и христианская нравственность должны быть перенесены в жизнь домашнюю, общественную и гражданскую [36, т. 61, col. 510; 37, т. 10, кн. 1, с. 613]. Простой мирянин не имеет никакого права замкнуться в себе, жить только своей личной жизнью, заботиться о своем лишь индивидуальном спасении, откладывая многотрудное дело социального спасения на пастырей Церкви [36, т. 48, col. 851; 37, т. 1, кн. 2, с. 654].

Христианский мир видел на церковной кафедре много проповедников с высоким ораторским талантом, но никогда еще красноречие не призывалось к выполнению такой практической задачи. За удивительную силу и неотразимое воздействие красноречия Иоанна называли Златоустым, устами Христа и устами Божиими [66, с. 2].

Ни один отец Церкви не говорил так много на социальные темы, как этот архиепископ [68, с. 229]. Его рассуждения об устройстве взаимных отношений людей на основе христианских принципов, о семье, о воспитании детей, о молитве домашней и общественной, о значении приходского храма особенно для сельского населения, о труде, как основе общественного благосостояния, об обязанности заботиться о благе общем, о христианской взаимопомощи и благотворительности, о рабстве, об отмене цирковых кровавых забав, о способах уничтожения плебса в больших городах — все это классические страницы в христианской литературе [81, с. 670].

Особый акцент Иоанн Златоуст делал на обличении страстным увлечением зрелищами и театром, где основную массу составляли ремесленники [36, т. 54, col. 697; 37, т. 4, кн. 2, с. 857; 13, с. 114]. «Они выходят из театра воспламененные страстью, — говорит Златоуст, — и возвращаются к себе домой уже пленниками. Отсюда происходят обиды, бесчестия, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные» [36, т. 58, col. 645; 37, т. 7, кн. 2, с. 689]. Одним из важнейших следствий восстания 387 г. в Антиохии, когда ипподром и театр опустели, было обращение многих местных язычников, которые в это бедственное время нашли поддержку именно в Церкви [36, т. 49, col. 67–82; 37, т. 2, кн. 1, с. 89; 36, т. 54, col. 631–633; 37, т. 4, кн. 2, с. 779]. Не вызывает сомнения, что появлению новых членов местной христианской общины способствовали именно проповеди Златоуста, которые он ежедневно произносил в те дни.

В столице Византийской империи зрелища занимали важную часть общественной жизни, которые проходили с необыкновенным размахом. В социальном плане такие события в жизни мегаполиса носили опасный характер, так как поведение разъяренной толпы после представления создавало условия для возникновения социальных беспорядков в городе. К тому же в таких местах общественных собраний, как театр и ипподром, пропагандировались идеи прямо противоположные христианским ценностям [36, т. 60, col. 90; 37, т. 9, кн. 1, с. 105]. Естественно, что результат борьбы Церкви с таким явлением мог только положительно сказаться на общем ходе всей общественной жизни Константинополя.

Жесткой критике Хрисостома подвергались также праздность и стяжательство. Стремление убедить своих слушателей в необходимости труда и смирения с бедностью —

эта тема красной нитью проходит через многие его проповеди [82, с. 157]. Особенно Златоуст вооружался словом против суеверия, скупости, богохульства, клятвопреступления, клеветы, гордости, роскоши и сладострастия, которые, быстро развиваясь, сильно овладевали людьми независимо от звания и состояния [36, т. 60, col. 312; 37, т. 9, кн. 1, с. 388]. Только о корыстолюбии и сребролюбии Златоуст говорил чуть ли не в каждой своей беседе [36, т. 48, col. 792; 37, т. 1, кн. 2, с. 788]. Социальная жизнь его времени очень страдала от этого порока.

В тоже время он воспевал трудолюбие, величие брака, счастье супружеской жизни и единства семьи, уделял огромное внимание проблеме воспитания детей и их гармоничному образованию [36, т. 58, col. 645; 37, т. 7, кн. 2, с. 689]. Оценивая существующие условия и тенденции социального развития, Златоуст ставит во главу угла концепцию «христианского города», христианской семьи как важнейшей ячейки общества [13, с. 121]. Последствия доброго воспитания распространяются и на отдаленное потомство. Чтобы облегчить нравственное воспитание детей, по мысли Златоуста, необходимо приучать их к благочестию как можно раньше [69, с. 320].

Он выступает с критикой коррупции и роскоши двора, защищает права ущемленных собственников (Сocr. VI. 5.) [22, с. 243]. Златоуст не боялся направлять критику в своих проповедях даже на всемогущего евнуха-препозита Евтропия, известного в империи своей мстительностью и жестокостью (Сocr. VI. 5.) [22, с. 244]. Доставалось от архиепископа столицы и гордой императрице Евдоксии — супруге безвольного и слабого по характеру императора Аркадия, а также многим представителям высшей аристократии, погрязшим в пороках (Сocr. VI. 5–15) [22, с. 244–257]. Так, с особенной силой Златоуст направлял свое слово и против состоятельных жителей полиса, которые любыми путями пытались приумножить свой капитал [36, т. 52, col. 399; 37, т. 3, кн. 2, с. 412].

Современник Златоуста — Мартирий Антиохийский представляет Иоанна именно как защитника угнетенных [70, р. 151]. По словам Златоуста, количество бедных в столице было около 50 000 человек и острый социальный кризис мог бы быть решен, если воспользоваться материальными возможностями всех членов христианской общины столичной Церкви [36, т. 60, col. 97; 37, т. 9, кн. 1, с. 113]. Отсюда и тема милосердия и милостыни, которая присутствует в проповедях Иоанна в этот период его Константинопольского служения [36, т. 63, col. 218; 37, т. 12, кн. 1, с. 259], которая дала повод исследователям, в том числе и Г. А. Курбатову, видеть в этих высказываниях присутствие социалистических идей у Златоуста и призыв к социальной революции [71, с. 82]. Златоуст обрушивает критику на сам порок «наживы и немилосердия», лелея идею о раннехристианских имущественных отношениях, ставших уже на тот момент достоянием истории [36, т. 60, col. 312; 37, т. 9, кн. 1, с. 338].

Иоанн Хрисостом уделял внимание и вопросу о рабстве. Златоуст нигде не выступал против рабства как социального института и нигде не требовал его ликвидации. Правда, Церковь не признавала рабство естественным явлением, но таким его не признавала и языческая идеология [82, с. 135].

Слова о богатстве и милостыне Златоуста касались помимо моральных интересов состоятельных жителей мегаполиса, также и материальных интересов бедных. Милостыня должна была хотя бы до некоторой степени сгладить ужасающие размеры имущественного неравенства. Иоанн Златоуст, с одной стороны, старается убедить антиохийскую бедноту в том, что она является значительно более счастливой, чем богачи, с другой — он доказывает, насколько тяжело живет богатым, используя факты современной ему действительности [71, с. 94]. Иоанн Хрисостом постоянно повторял, что борется не с богатством, а с дурным употреблением богатства. Правда, по замечанию И. Попова, если бы человек искренно стал бы считаться с ограничениями богатства, как об этом говорил Златоуст, то фактически он не в состоянии был бы обогатиться, либо не в состоянии был бы удержать свое богатство [73, с. 820], что говорит о том, что этот

вопрос рассматривался Златоустом только с религиозно-нравственной точки зрения. Сам же призыв к делам милосердия не был безуспешен: нашлось немало состоятельных вдов, которые жертвовали в пользу бедных [18, с. 920].

Сложнее обстояло дело с искоренением греха и порока на личном уровне жителей мегаполиса [36, т. 56, col. 269; 37, т. 6, кн. 2, с. 566]. «Из числа столь многих тысяч, — восклицает Златоуст, — нельзя найти более ста спасаемых, но и в этих сомневаюсь» [36, т. 60, col. 189; 37, т. 9, кн. 1, с. 232].

Влияние и известность Златоуста было огромным. Чтобы убедиться в этом, вспомним какими уловками пришлось воспользоваться в свое время всесильному евнуху Евтропию, чтобы Константинополь мог иметь в числе своих клириков такого популярного в Антиохии проповедника как Златоуст (Soz. VIII. 2.) [52, с. 549–550].

Что же касается Константинополя, то благодаря реформам Златоуста сократились нарушения в области дисциплины городского духовенства. Это в свою очередь положительно сказалось на авторитете местной Церкви, а значит, и на результатах христианской миссии. Об успехах катехизации в этот период говорит известный факт большого числа оглашенных, которые готовились принять таинство крещения в Страстную Субботу перед Пасхой 404 г., — в тот самый день, когда начались открытые гонения на Златоуста [76, с. 74–75, 287–294].

Жители Константинополя стали чаще посещать богослужения, что одновременно способствовало делу нормализации общественных нравов и укреплению социальной стабильности мегаполиса [36, т. 52, col. 439; 37, т. 3, кн. 2, с. 455; 76, с. 59]. Правда, по данным Мартирия Антиохийского, далеко не все жители столицы относились к проповедям Златоуста с вниманием и желанием исправиться [70, р. 150]. Так, в поведении тех же христиан Константинополя местные язычники находили еще достаточно для себя соблазнов [36, т. 63, col. 42; 37, т. 12, кн. 1, с. 45]. Для качественного изменения ситуации в общественных отношениях полиса требовались годы и усилия не только одного Златоуста. Очень показательным является появление в столице архиепископа Феофила Александрийского (385–412 гг. [77, р. 1364]), который к счастью для себя обнаружил, что недовольных Златоустом достаточно много [70, р. 150].

Следует отметить, что деятельность Иоанна Хрисостома по наполнению личных, а в итоге и общественных отношений христианскими принципами мира, любви, внимания друг к другу естественным образом вписывалась в общие интересы и государства. Так, к примеру, в это же время император Феодосий I преследовал цель заставить общество серьезно смотреть на факты прелюбодеяния как на уголовные преступления. Строгие судебные процессы и их публичность должны были послужить в этом случае достаточной острасткой для распущенных жителей империи [78, с. 401].

Таким образом, на примере деятельности Иоанна Златоуста можно отметить, что проповедь Церкви в конце IV—начале V вв. занимала особое место в жизни двух мегаполисов империи — Антиохии и Константинополя.

Популярность ораторского искусства в ранней Византии создала объективные предпосылки для проявления силы таланта Златоуста как блестящего проповедника в области практической христианской морали.

Проповеди Златоуста показывают всю остроту процесса христианизации массы недавних язычников, а также сложность утверждения норм и принципов христианской жизни в ранневизантийском полисе.

Златоуст являлся защитником и борцом за подлинное практическое христианство. В проповедях высшего архиерея делался особый акцент, прежде всего, на вопросах повышения уровня нравственности жителей полиса, улучшении внутрисемейных отношений, воспитании детей, социальном неравенстве, общепольной деятельности горожан. Такое воздействие Церкви имело положительное влияние на ход общественной жизни города, ибо создавало условия для нормального функционирования

основных социальных институтов ранневизантийского полиса, а также естественным образом вписывалось в общую политику государства.

Следует также отметить, что Иоанн Хрисостом выделил и целый ряд принципов христианской социологии. Его проповеди свидетельствуют о том, что он очень точно улавливал настроения и устремления своей аудитории, поэтому социальная ориентация слов была им определена в силу естественной актуальности подобных вопросов как для жителей Антиохии, так и Константинополя.

После событий восстания 387 г. был четко обозначен еще один очень важный аспект общественной деятельности антиохийского священства как социального миротворца в деле урегулирования опасной ситуации, сложившейся внутри мегаполиса. В условиях социального кризиса, когда обычное функционирование городских служб было парализовано, Церковь посредством проповеди смогла стабилизировать социально опасную обстановку и выполнять некоторое время столь необходимую роль лидера в умонастроениях горожан.

Церковь взяла на себя важную миссию — посредством влияния и силы проповеди ослабить социальные конфликты в жизни мегаполиса и формировать новые нормы ромейской жизни. Правда, положительному решению этой глобальной задачи помешали действия врагов Златоуста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chrysostom*, st. John//The Oxford Dictionary of the Christian Church. — Oxford, 1974.
2. *Carter R. E. S. J.* The Chronology of st. John Chrysostom`s Early life//Traditio: Studies in ancient and medieval history, thought and religion. — 1962. — Vol. 18.
3. *Giovanni Crisostomo: oriente e occidente tra IV e V secolo*//Augustianum Istituto Patristico. Programma XXXII incontro di studiosi dell antichita cristiana 6– 8 maggio 2004. — Roma, 2004.
4. *Лопухин А. П.* Святой Иоанн Златоуст как проповедник человеколюбия и милостины//Христианское чтение. — 1897. — Ч. 1.
5. *А. Н.* Деятельное участие народа в жизни церковной по взглядам Иоанна Златоустаго. — СПб., 1906.
6. *Гроссу Н., свящ.* Основной характер проповеди св. Иоанна Златоуста. — К., 1907.
7. *Никольский С., свящ.* История Церквей Антиохийской и Константинопольской за время св. Иоанна Златоуста по его творениям. — Ставрополь-Кавказский, 1906.
8. *Гидулянов П. В.* Восточные патриархи в период первых вселенских соборов: Историко-юридическое исследование. — Ярославль, 1908.
9. *Березовский В., прот.* Святой Иоанн Златоуст как вселенский учитель Церкви и значение творений для пастырской деятельности. Канд. дис. — Загорск, 1972. (на правах рукописи).
10. *Quasten J.* Patrology: In 3 v. — Utrecht, 1975. — Vol. 3: The Golden Age of Greek Patristic Literature.
11. *Вонифатий (Потанов), иером.* Святой Иоанн Златоуст как поборник осуществления евангельского идеала в общественной жизни. Кандидатская диссертация. — Загорск, 1976. (на правах рукописи).
12. *Ottmeslaegbe F.* Jean Chrysostom et le peuple de Constantinople//Analecta Bollandiana. — 1979. — Т. 99. — Ф. 3–4.
13. *Курбатов Г. А.* Иоанн Златоуст//Ранневизантийские портреты. — Л., 1991.
14. *Грыжанкова М. Ю.* Иоанн Златоуст в социуме ранней Византии и России. — Саранск, 2002.

15. *Казенина-Пристанскова Е. Т.* Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. — Ровно, 2003.
16. *Райс Т. Т.* Византия. Быт, религия, культура. — М., 2006.
17. *Брендле Р.* Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик. — М., 2006.
18. *Белодед П.* Иоанн Златоуст//Православная Богословская энциклопедия/Под ред. Н. Н. Глубоковского. — СПб., 1905. — Т. 6.
19. *Zosimus.* Historia novum//Corpus Scriptorum historiae Byzantiae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. instituta, auctoritate Academiae litterarum Regiae Borussicae centinuata. Ex recognotione immanuelis Bekken: Libri 1–6. — Bonnae, 1837.
20. *Балаховская А. С.* Комментарии//Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. — М., 2002.
21. *Socratis Scholastici.* Historia ecclesiastica//Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Patrum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. — P., 1864. — Т. 67.
22. *Сократ Схоластик.* Церковная История. — М., 1996.
23. *Theodosius I*//The Oxford Dictionary of the Christian Church. — Oxford, 1974.
24. *Сюзюмов М. Я.* Внутреннее и внешнее положение Византийского государства в IV в./История Византии: в 3 т./Под ред. С. Д. Сказкина — М., 1967. — Т. 1.
25. *Хранов А. В.* Византийская империя. Империя и Церковь//Православная энциклопедия/Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2004. — Т. 8.
26. *Курбатов Г. А.* Последний идеолог муниципальной аристократии — Ливаний (314–393)//Ранневизантийские портреты. — Л., 1991.
27. *Karayannopoulos J., Gunter W.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). — Weisbaden, 1982. — Hlb. 2. — Нрт. 4.
28. *Petit P.* Libanius et la vie municipale a Antiochean IV siecle aprgis. J. C. — Paris, 1955.
29. *Ammianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt, a cura di A. Selem: Libri 24–31. — Paris, 1875. — Vol. 2.
30. *Аммиан Марцелин.* Римская история. — СПб., 1996.
31. *Неронова В. Д.* Речи Либания как источник по истории кризиса Поздней Римской империи//Ученые записки Пермского государственного университета: Исторические науки. — Пермь, 1964. — № 117.
32. *Курбатов Г. А.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). — Л., 1971.
33. *Курбатов Г. А.* Город и государство в ранней Византии (IV–VI вв.)//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. — Л., 1986.
34. *Курбатов Г. А.* Города, ремесло и торговля в Византии IV–VI вв. Константинополь и провинции//История Византии: В 3 т./Под ред. С. Д. Сказкина. — М., 1967. — Т. 1.
35. *Болотов В. В.* Собрание церковно-исторических трудов: В 8 т. — М., 2002. — Т. 4: Лекции по истории древней церкви. История церкви в период Вселенских соборов. I. Церковь и государство. II. Церковный строй.
36. *Ioannis Chrysostomi.* Archiepiscopi Constantinopolitani. Opera omnia//Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Patrum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. — Paris, 1970–1980. — Т. 47–64.
37. *Иоанн Златоуст, свт.* Полное собрание творений. — СПб., 1898–1906. — Т. 1–12. — Кн. 1–25.
38. *Степанцов С. В., Фокин А. Р.* Августин Аврелий//Православная энциклопедия /Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2001. — Т. 1.
39. *Гассе Ф. Р.* Церковная история. — Казань, 1870.

40. *Roth C. P.* Introduction//St. John Chrysostom. On Wealth and Poverty. — New York, 1984.
41. *Бажанов М.* Святой Иоанн и его пастырская деятельность в Антиохии//Православный собеседник. — 1907. — Т. 2.
42. *Гундяев М., прот.* Экклезиология св. Иоанна Златоуста. Курсовое сочинение. — Л., 1971. (на правах рукописи).
43. *Пападуполо Х.* Творения святого Иоанна Златоуста с филологической стороны //Христианское чтение. — 1895. — Ч. 1.
44. *Владимирский В. С.* Святой Иоанн Златоуст как христианский мыслитель и экзегет: По поводу 1500-летия со дня его блаженной кончины (407–1907)//Вера и Церковь. — 1907. — Кн. 9–10. — Т. 2. — Отд. 1.
45. *Курбатов Г. А.* Риторика//Культура Византии IV — первая половина VII в./Отв. ред. З. В. Удальцова. — М., 1984.
46. *Чекалова А. А.* Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в./Византийский временник. — 1992. — Т. 53.
47. *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire: In 2 v. — L., 1889. — Vol. 1.
48. *Theodosius II*//The Oxford Dictionary of the Christian Church. — Oxford, 1974.
49. *Кауфман С. А. А. J.* Festugiere. Antioche païenne et chretienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. (Обзор глав археологического содержания)//Византийский временник. — 1961. — Т. 20.
50. *Плюш Э.* Иоанн Златоуст и нравы его времени — СПб., 1897.
51. *Sozomenos.* Historia ecclesia//Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Partum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. — Paris, 1968. — Т. 67.
52. *Созомен Эрмий.* Церковная История. — СПб., 1851.
53. *Gregory of Nazianzus, st.*//The Oxford Dictionary of the Christian Church. — Oxford, 1974.
54. *Григорий Богослов, свт.* Сон//Творения. — М., 1844. — Т. 4.
55. *Wand J. W. C.* A History of the Early Church to A. D. 500. — L., 1953.
56. *Барсов Н. И.* Иоанн Златоуст//Христианство. Энциклопедический словарь/Под ред. С. С. Аверинцева и др. — М., 1993. — Т. 1.
57. *Harkins P. W.* Chrysostom, Saint John//Encyclopaedia Britannica: In 23 vol. — Chicago, 1962. — Vol. 5.
58. *Афиногенов Д. Е.* Византийская империя. Литература. Ранневизантийский период (IV—сер. VII вв.)//Православная энциклопедия/Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2004. — Т. 8.
59. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. — СПб., 1997.
60. *Frank T.* An Economic Survey of Ancient Rome. — Baltimore, 1938. — Vol. 4.
61. *Timoty E. Gregory.* The Episcopacy of John Chrysostom. Vox Populi: Popular Opinion a Violence in the Religions. — Ohio, 1979. — Ch. 3.
62. *Казенина Е.* Святитель Иоанн Златоуст в документах истории//Альфа и Омега. — 2002. — № 2(32).
63. *Ювенал.* Сатиры. — СПб., 1994.
64. *Рождественский Д. В. свящ.* Сатирический элемент в беседах святого Иоанна Златоуста. Публичная лекция. — Сергиев Посад, 1908.
65. *Сатренбаузен Н.* The Fathers of the Greek Church. — New York, 1959.
66. *Агапит, арх.* Жизнь Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. — СПб., 1874.
67. *Дронов М., прот.* Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский //Альфа и Омега. — 1995. — № 4(7).

68. Дворкин А. А. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. — Нижний Новгород, 2003.
69. Филарет (Гумилевский), еп. Историческое учение об отцах Церкви. — Сергиев Посад, 1996. — Т. 2.
70. Ommeslaeghe F. Jean Chrysostom en conflict avec l'imperatrice Eudoxie//Analecta Bollandiana. — 1979. — Т. 97. — F. 1–2.
71. Курбатов Г. А. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста//Ежегодник музея истории религии и атеизма. — М.; Л., 1958.
72. Говядовский И. Учение св. Иоанна Златоуста о собственности. — М., 1907.
73. Попов И. Святой Иоанн Златоуст и его враги//Богословский вестник. — 1907. — Декабрь.
74. Симезий Киренский. «О царской власти» — сказана в 399 г. Константинополь Аркадию//Византийский временник. — 1953. — Т. 6.
75. Palladius. Dialogue sur la vie de Jean Chrysostome tome 1–2//Source chre`tiennes. — Paris, 1988. — Тt. 341–342.
76. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. — М., 2002.
77. Theophilus//The Oxford Dictionary of the Christian Church. — Oxford, 1974.
78. Чернявский Н. Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. — Сергиев Посад, 1913.
79. Altaner B., Stuiber A. Patrologie. — Freiburg, 1978.
80. Beck H. G. Kirche und theologische literatur im Byzantinische Reich. — Munchen, 1977.
81. Барсов Н. И., проф. Иоанн Златоуст//Энциклопедический словарь/Под ред. К. К. Арсеньева и др. — СПб., 1894. — Т. 26.
82. Курбатов Г. А. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). — Л., 1962.

Sammury

A. Gorayko. *On the Meaning of the Church's Sermon in the Life of the Early-Byzantine Polis Exemplified by Activities of John Chrysostom.*

During time of John Chrysostom (341/7–407) as a preacher of the Antiochian and Constantinople churches, ecclesial sermon became a noticeable event within the urban life of the Early-Byzantine Empire. Eloquence on the pulpit was not just natural but also essential for a preacher providing Chrysostom with growth of his talent and influence. All his efforts were directed at the elevating morality of the contemporary society. Church, in his thought, was to be common christian school. None of the Church fathers has spoken that largely on social themes as John Chrysostom. The Church's activity had a positive impact on the course of public life in a city, although it would take years for qualitative changes into situation of social relations of polis, but the actions from Chrysostom's enemies hindered to solving this problem.

